

МИХАИЛ ОСТРОУХОВ

Девять хвостов Кицунэ

РАССКАЗЫ О ЛИСАХ-ОБОРОТНЯХ

Михаил Остроухов

**Девять хвостов Кицунэ.
Рассказы о лисах-оборотнях**

«Издательские решения»

Остроухов М.

Девять хвостов Кицунэ. Рассказы о лисах-оборотнях /
М. Остроухов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851038-0

Кицунэ — это лиса-оборотень из японской мифологии, неоднозначно злая, как оборотни в европейской культуре. Поступки Кицунэ зависят от настроения, лиса-оборотень может навредить человеку, но и помочь ему в трудную минуту. Таким образом, это рассказы про контакт людей с миром духов.

ISBN 978-5-44-851038-0

© Остроухов М.
© Издательские решения

Содержание

Девять хвостов Кицунэ	6
Белая слониха	18
Мышиная свадьба	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Девять хвостов Кицунэ Рассказы о лисах-оборотнях

Михаил Остроухов

© Михаил Остроухов, 2018

ISBN 978-5-4485-1038-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Девять хвостов Кицунэ

Была осень 1993 года. «Шоковая терапия» Гайдара, отпустившего цены в 92-м году, привела к тому, что старые связи в промышленности и торговле разрушились, новые еще не возникли из-за неопределённости, людям не верилось, что капитализм – это всерьёз и надолго. Первое время народ радовался, что революция освободила его от работы (народ всегда ждет от революции в первую очередь освобождение от работы), но быстро встал вопрос о хлебе насущном. Тарас Липольц в конце восьмидесятых писал: «а я хочу в Америку, ну, плюньте на меня», «Америка» сама пришла в страну, но «Америка» времён великой депрессией.

Холодный ветер проносился по опустевшим улицам Москвы. Повсюду чувствовалось запустенье: даже в центре у многих домов облупились фасады, за ними никто не следил, но мусор с улиц кое-как убирали, транспорт ходил, в театрах шли спектакли, и уже в городе появились первые приметы нового капиталистического строя: у входа в Елисейский магазин на Тверской стояли две симпатичные девушки, с улыбкой встречая малочисленных (по причине бешенных цен в магазине) покупателей. На лицах, вероятно, бывших комсомолок сначала была неловкость, но потом она прошла.

Максим учился в институте на филолога. Было ясно, что государство уже не станет окружать филологов такой заботой как прежде, но надежда свойственная молодости, что удача улыбнется ему, и он обеспечит себе каким-то образом достойную жизнь, заставляла с оптимизмом смотреть в будущее.

У Максима все годы в институте была традиция: по четвергам он по контрамарке бесплатно ходил в театр: на некоторые спектакли по несколько раз. Например, в театр Моссосвета на спектакль «Шум за сценой» с Яном Арлазоровым или на рок-оперу «Иисус Христос – суперзвезда». В рок-опере Максима помимо хорошей музыки поражал необычный ход режиссёра: роль Христа тот отдал просто симпатичному артисту, блондину, у которого сросшиеся на переносице брови были темнее чем, волосы на голове, зато Иуду играл высокий брутальный красавец с шапкой вьющихся волос и в короткой чёрной тунике оставлявшей открытым его мускулистое плечо. Зал похлопав в конце спектакля артисту игравшего Христа, разразился шквалом аплодисментов артисту игравшему Иуду. Женщины неистовствовали: овации не стихали очень долго.

Режиссёр очень странно расставил акценты: в обществе после романа Булгакова «Мастер и Маргарита», где Булгаков, кстати, вывел незлого дьявола в окружении обаятельных слуг, личность Христа вызывала симпатию, почему же тогда предатель Иуда заслонил собой Христа?

После спектакля Максим вернулся в общежитие. Он жил на пятом этаже. Максим стал подниматься по лестнице идущей вокруг шахты лифта, сам лифт гремел где-то наверху, и Максим не стал его ждать. Навстречу Максиму, пошатываясь, спускался Коля Ерёмичев: бледный с испитым лицом, но с чрезвычайно сосредоточенным взглядом, ясное дело, шёл за водкой. Про Колю и про Володю Большого рассказывали такую историю: они начал пить в марте, более молодой Коля бегал за водкой. Они пили, пели песни под гитару, когда гитара сломалась, продолжали петь песни без гитары, наконец, Володя Большой подошёл к окну и, увидев на улице снег, сказал:

– Какой сейчас месяц?

– Октябрь, – ответил Коля, который ориентировался во времени.

– Что ты гонишь? – рявкнул Володя, – вон за окном еще снег не растаял.

– Так это уже новый лёг, – ответил Коля.

После этой пьянки они сдали 1100 бутылок из-под водки.

На третьем этаже на Максима как ураган налетел подвыпивший Серёжа Ганиев. Он был москвичом, но целыми днями слонялся по общежитию, ночуя, вернее вырубаясь пьяным, где придётся.

– Дай пятачку в долг, – попросил Сергей.

– У меня нет, – нахмурился Максим: Сергей уже был должен ему две тысячи.

– Ну, извини, – казалось, всё тот же ураганный ветер сдул Сергея.

Максим поднялся на свой этаж, прошёл по главному коридору, и завернул за угол, где было несколько комнат, в том числе и его, и мельком увидел, как за дверью одной из комнат исчез лисий хвост. Максим не поверил своим глазам, что за чертовщина!? От неожиданности он даже замедлил шаги: в этой комнате жила его однокурница Аня Залесская. Невысокая, кареглазая девушка с волнистыми длинными волосами, собранными на затылке в пучок. Может быть, он этот пучок принял за лисий хвост, но нет, хвост был определённо лисий.

Аня была из Белоруссии и говорила с легким белорусским акцентом. Познакомившись с Максимом, она предположила, что он тоже белорус, на что Максим, улыбнувшись, сказал:

– Нет.

Он удивился: почему Аня так подумала, но потом догадался. Дело в том, что у его отца был отчим белорус – Михаил Адамович. Родной дедушка Максима погиб на фронте. И с детства, проводя много времени с обожаемым дедушкой Мишей, он стал смягчать под его влиянием букву «д» и немного хыкать в конце слов (пирох) на что, к удивлению Максима, и обратила внимание Аня.

Максим испытывал симпатию к Ане, но холодный блеск её глаз держал Максима на расстоянии, хотя при этом отношения их были очень хорошие, Максим чувствовал на себе власть её чрезвычайно сильной натуры.

Однако вернёмся в общежитие, Максим задался вопросом: какое отношение имеет к Ане загадочный лисий хвост? В этом надо было разобраться. Максим решительно постучал в дверь Ани.

Аня открыла:

– Привет, проходи.

Максим зашёл в комнату. В ней был письменный стол и кровать, застланная клетчатой, как у всех в общежитии, одеялом. За журнальным столиком в кресле сидела японка: миниатюрная, с пышными уложенными в локоны волосами на голове: кукла Алла Пугачёва с раскрытыми глазами.

– Это Казуми, – представила Аня японку.

– Максим, – представился Максим.

– Садись, – предложила Аня стул Максиму.

– Спасибо, – Максим сел.

На столике стояли чайник, заварочный чайник, чашки, и вазочка варенья, на тарелке лежало печенье. Аня налила Максиму чай в чистую чашку.

– Мы познакомились вчера в Доме Кино, – сказала Аня, – она приехала в Москву на фестиваль. Ей очень нравится Тарковский.

– Ты с ней по-английски разговариваешь? – спросил Максим.

– Она немного знает по-русски.

Максим смотрел на Казуми с любопытством, конечно, Советский Союз, а теперь Россию посещали иностранцы, но, как правило, в составе делегации или туристической группы, самостоятельно (кстати, это тоже была примета времени) мало кто из них перемещался по столице, а тем более по стране: Казуми казалась Максиму гостью с другой планеты.

Японка – это хорошо, зная про лис-оборотней из японского фольклора, Максим даже обрадовался, что нашлось, конечно, фантастической, но хоть какое-то объяснение мелькнув-

шему в двери лисьему хвосту. Если только лисий хвост ему не померещился, то перед ним Кицунэ – лиса-оборотень, стоп, с каких пор он стал верить в сказки?

– Приятно, что в мире знают наших режиссёров? – сказал Максим.

Японка улыбнулась.

– Какой фильм тебе больше всего нравится? – спросил Максим Казуми.

– «Жертвоприношение», — ответила японка.

– Почему?

– У нас быть Хиросима и Нагасаки.

– Понятно, — кивнула головой Аня.

– А я не понял? — пожал плечами Максим.

– Вспомни «Жертвоприношение»: в фильме по телевизору объявляют, что началась третья мировая война, — объяснила Аня, — над домом пролетают истребители, отключают свет и телетрансляцию. Главный герой понимает, что должен что-то сделать, чтобы спасти человечество от ядерной катастрофы, и сжигает свой дом, оставляет семью и обрекает себя на молчание. Японцам, пережившим атомную бомбардировку, это понятно, страх ядерной войны у них в подсознании.

– Мне нравится «Сталкер», — сказал Максим, — Тарковскому хорошо удалось создать атмосферу загадочности Зоны.

– Мне тоже нравится «Сталкер», — кивнула головой японка.

– Тарковский старался говорить языком символов, но вот странно, что символы в кино не имеют такого воздействия, как символы в литературе, — заметил Максим, — я слышал, как один мужчина на выходе из кинотеатра сказал про Тарковского: «хорошо еще, что этот, прямо скажем, не совсем здоровый человек так мало снял».

– Я думаю, этот мужчина и в литературе ничего не смыслит, — сухо заметила Аня.

– Я надо идти, — поднялась японка с кресла.

– Я тоже пойду, — Максим встал со стула.

– До свиданья, — попрощалась Аня с Максимом и Казуми.

В коридоре Казуми спросила Максима:

– Какая дорога метро?

– Я тебя провожу, — предложил Максим.

До метро можно было доехать на троллейбусе, но Максим и Казуми пошли пешком, Максим хотел познакомиться с девушкой ближе, не каждый день выпадает шанс поболтать с настоящей японкой тем более, если про неё можно прочитать в бестиарии. Вопрос является ли девушка лисой-оборотнем оставался открытым, Максим, конечно, призвал себя к здравому смыслу, но в душе надеялся, что Казуми, каким-то образом проявит свою лисью натуру. Он ждал от неё волшебства с любопытством, но в тоже время с опаской, кто знает, в каком настроении она будет.

– Ты в Японии учишься или работаешь? – спросил он у Казуми.

– Учусь в университете.

– На кого?

– Киновед.

– А родители у тебя кто?

– Отца нет, а мама продавать товар по телефону.

– А где ты вы живете?

– Мы жить в Токио.

– Расскажи мне о Токио.

– Город хорошо.

– Я не сомневаюсь.

– У нас тротуары с подогрев, поэтому нет гололёд.

– Класс! – восхитился Максим.

– На улице стоять вазы с зонтиками, можно взять любой, если идти дождь, дождь конец, ставь ваза, где близко.

– Прямо коммунизм.

– В поезде кондуктор входит в вагон, снимает шапка и кланяется, потом проверять билеты.

– Вот это культура! – вздохнул Максим.

– Ты знаешь, что в русский язык есть японские слова?

– Знаю, «тайфун», «цунами».

– А ещё «вата», «минтай», «иваси».

– И «вата» из японского?

– А в японском языке тоже есть русский слова: «икура» — икра, «норума» — норма.

– Интересно, — сказал Максим, а сам подумал «норуму» наверно, ввели в обиход вернувшиеся из лагерей военнопленные японцы.

Максим и Казуми договорились встретиться на следующий день. Японка очаровала его рассказом о своей далёкой родине. Токио казался Максиму волшебным городом, где живут сказочные существа, в том числе и лисы-оборотни.

Максим вернулся в общежитие и стал жарить картошку.

На общую кухню, где было три плиты, зашёл прикурить от конфорки (надеясь, что кто-то что-то варит) сосед по этажу Юра Германов. До поступления в Москву он окончил геологический техникум в Перми, и у него в комнате была целая коллекция минералов, которую он зачем-то притащил с Урала.

Юра наклонился над конфоркой, прикурил и нервно затаился:

– Я был сейчас у Белого дома. Руцкой и Хасбулатов призвали штурмовать Останкино.

– Это гражданская война, — нахмурился Максим.

– Ельцин не имел права издавать указ о роспуске Верховного совета.

– Какое это имеет значение, если народ за Ельцина?

– В 91 году народ за Ельцина был.

– Нужно время, чтобы реформы дали результат, — пожал плечами Максим, и, сняв сковородку с плиты, понес её в свою комнату.

– Да, цепь на метр удлинители, а миску на два отодвинули, — крикнул ему вслед Юра.

Общежитие было недалеко от Останкино: в открытую форточку со стороны Останкино доносились звуки стрельбы.

Максим ждал Казуми у памятника Пушкину. Он хотел пойти с ней в Макдональдс. По Тверской улице в сторону центра ехали БМП и крытые брезентом грузовики, в которых вдоль бортов размещались солдаты, держа автоматы между ног. Максим заметил: один солдат, сидевший на лавке с краю, с любопытством разглядывал памятник Пушкину, словно был на экскурсии. Мирная очередь в Макдональдс как-то не вязалась с военной колонной.

Максим вспоминал всё, что он знал о Лисах-оборотнях. Кицунэ достигает совершеннолетия в 100 лет, и тогда у неё появляется умение превращаться в человека. Магические способности лисы-оборотня зависят от возраста и ранга, который определяется по количеству хвостов и цвету шкуры. Самый высокий ранг – это девятихвостая Кицунэ с серебристой, белой или золотой шкурой, но такой она становится только в возрасте 1000 лет, приобретая умение летать и принимать любые формы, например, гигантских деревьев или второй луны в небе. Кицунэ всегда имеют при себе белые шарики похожие на жемчуг, обладающие волшебной силой. В лисьей форме они держат шарики во рту, а в человеческой носят на шее. С помощью этих волшебных жемчужин, Кицунэ способны защищаться огнем и молниями. Кицунэ очень ценят эти артефакты, и в обмен на возврат их могут согласиться выполнить желания человека.

Интересно, какой ранг имеет Казуми, думал Максим, в двери ему мелькнул только один хвост, но возможно, он не увидел других хвостов.

Подошла японка. Максим ей улыбнулся. Казуми была в яркой красной куртке и джинсах.

– Знаешь, кому это памятник? – Максим кивнул на памятник Пушкина.

– Кому?

– Нашему самому знаменитому поэту, – сказал Максим.

– Пуш-кину, – протянула Казуми.

– Молодец, знаешь, — с уважением сказал Максим.

– Пушкин – хорошо, — отозвалась японка.

– Я тоже люблю японскую литературу, особенно хокку, такую например:

Мелькнул лисий хвост,

Теперь нет мне покоя.

Жду каждый вечер.

Казуми в ответ на намёк Максима, что он догадывается, с кем имеет дело, только улыбнулась.

В Макдональдсе от фритюрниц, вызывая аппетит, шел запах картофеля фри, который жарился в масле. Обслуживающий персонал в красных шапках с козырьками работал со слаженностью муравьев. Максим заказал себе картофель фри, сладко-кислый соус, биг-мак, и стакан кофе, Казуми попросила себе тоже картофель и кофе, но вместо биг-мака взяла чизбургер. Максим выбрал свободный столик и поставил на него поднос. Казуми сняла куртку, оставшись в чёрной водолазке, и Максим наконец-то, как ему казалось, получил подтверждение, что девушка — это лиса-оборотень: на шее у неё висел кулон с одной крупной жемчужиной, знаменитый волшебный шарик – оружие Кацунэ.

– Я идти в туалет, — сказала японка, — мыть рука.

– Хорошо, — кивнул головой Максим.

Казуми ушла, а Максим, открыл крышку бумажного стакана и отхлебнул глоток кофе: оно было очень горячим. Он обжог язык, но в радостном возбуждении, что он сразу догадался: японка – Кицунэ, не обращал на это внимание. Теперь вопрос, какую выгоду из этого можно извлечь? По большому счёту никакую, скорей Лиса-оборотень обведёт его вокруг пальца, главное для Максима было убедиться в верности своего предположения.

Неожиданно, зайдя Максиму со спины, за его столик села девушка: блондинка с длинными рассыпанными по плечам волосами, очаровательной улыбкой и зеленоватыми, словно огоньки на болоте глазами. Первая мысль, которая пришла в голову Максиму, наверно, потому что он ждал, что Кицунэ, все-таки проявит свою лисью натуру, это Казуми поменяла облик. Что ж, он был совершенно не против свидания с такой красавицей. Все-таки есть польза от знакомства с Кицунэ: теперь рядом с ним сидит потрясающая девушка: все мужчины наверняка ему страшно завидуют.

– Извините, – сказала девушка, – можно взять ваш автограф?

– Автограф? – Максим был озадачен: он был ещё не столь знаменит, чтобы кого-то интересовал его автограф.

– Разве Вы не Алексей Лысенков ведущий передачи «Сам себе режиссёр»?

– Нет, — Максим был разочарован, что это была обыкновенна охотница за знаменитостями, – но мне часто говорят, что я похож на него.

– Тогда извините, — девушка надула губы.

Она встала и ушла.

– И за что все так любят Алексея Лысенкова, — вздохнул Максим, — ну, симпатичный он...

После душевного подъема и определенной гордости собой Максим сидел, хмуро сдвинув брови к переносице, как ребёнок, которому не купили в магазине понравившуюся игрушку. Настроение испортилось: в душе была сумятица чувств. Зачем вообще он тратит время на эту японку, когда кругом столько красивых девушек? Не иначе действительно она Кицунэ: его околдовала. Может быть, подняться и уйти? С другой стороны, подумал он, его контакт с Казуми имеет чисто исследовательские цели. Да и жалко оставлять нетронутым биг-мак и картошку фри. К тому же он боялся мести Кицунэ: ведь это будет самое настоящее оскорбление для девушки.

Уборщица невысокая азиатка в красной шапке с козырьком отвлекла его от мыслей. Подтирая пол рядом со столиком Максима, она сказала:

– У Вас что-то упало.

Максим нагнулся и посмотрел под столик: это был жемчужный кулон Казуми. Вот это удача, мелькнуло в голове у Максима, теперь за этот волшебный шарик он может попросить выполнить его желание: Максим нагнулся и подобрал кулон.

Казуми вернулась и села за столик. Настроение Максима поменялось: он улыбался.

– Всё нормально? — Максим подпёр рукой подбородок, поставив локоть на стол.

– Да, — ответила японка.

– Мне кажется, ты что-то потеряла? — Максим вынул из-под стола вторую руку и разжал кулак, в котором держал кулон.

– Ой, правда, — глаза Казуми вспыхнули.

– Цепочка порвалась, — сказал Максим.

– Как хорошо, что ты его найти, — воскликнула девушка.

Максим протянул кулон Казуми, но тут же убрал руку обратно:

– Он же очень важен для тебя?

– Да, это мой любимый кулон.

– Я отдам его тебе, если ты исполнишь моё желание.

– Желание?

– Да, стань вот той девушкой, — Максим кивнул в сторону блондинки, которая сидела за два столика от них в компании подруг.

– Я не все понимаю по русский, как это стань?

– Эта девушка сейчас уйдет, а ты превратишься в неё, — Максим смотрел испытывающим взглядом на Казуми.

– Ты считаешь, я не красивая? — нахмурилась японка.

– Нет, красивая, — поспешил утешить её Максим, — но та девушка мне приглянулась, а тебе какая разница какой быть?

– Опять я не понять тебя.

– Ну, пожалуйста, что тебе стоит.

– Я понять: ты сумасшедший! — Казуми встала из-за столика, видимо, собираясь уходить.

– На, на возьми, — Максим сунул её кулон в руку, — я пошутил.

Казуми упорно не хотела выдавать свою тайну. Максим засомневался: может быть, она действительно не Лиса-оборотень, и в кулоне настоящий жемчуг, а не волшебный шарик. Надо будет, решил он, напрямую спросить у Ани: откуда взялся лисий хвост?

Вечером Максим ждал на кухне, пока вскипит чайник. Зашел Юра Германов: опять прикурить. Поправив указательным пальцем массивные очки на переносице, он сказал:

– Останкино вчера не взяли, а сегодня Ельцин Белый дом из танков расстрелял.

– Теперь у него руки развязаны, — хмыкнул Максим.

– Что ты радуешься? — разозлился Юра.

– Но ведь ясно, что надо что-то менять. Посмотри, как в Европе живут, в Японии.

– А ты знаешь, что в Японии люди работают по 12—14 часов в день, и еще, чтобы быть на хорошем счету у начальства надо приходиться за полчаса до работы, поэтому каждый год по официальной статистике 10 тысяч человек умирает от «переутомления на работе».

– Ужас, – Максим был расстроен, что Юра разрушает его идеальное представление о Японии.

В порыве раздражения он схватил закипевший чайник с плиты, и в это момент по случайности Юра нагнулся к конфорке с сигаретой. Всё произошло мгновенно: на чайнике не было крышки, и кипяток плеснул Юре на спину.

Юра закричал, Максим и себе обжог руку, но что значил этот небольшой ожог, по сравнению с той адской болью, которую испытывал Юра Германов. Чувствуя свою вину, Максим страшно переживал за него. Как такое могло случиться, чтобы одновременно он взял чайник и Юра нагнулся прикурить? Не иначе, как бес подтолкнул обоих, или это проделки Лисы – вопрос какой?

– Господи, как же больно! – застонал Юра.

– Извини, я не знаю, как так получилось, — сказал Максим.

– Ой, как жжёт.

– Пошли в комнату, я тебе ожёг подсолнечным маслом смажу.

– Заживо сварил.

– Извини, извини.

В комнате Юра снял джемпер:

– Я сейчас на стенку полезу.

На спине большой участок кожи был покрыт волдырями.

– Надо скорую вызвать, — нахмурился Максим, — дело серьёзное.

Юра только застонал.

– Держись, сейчас я по 03 позвоню.

Скорая помощь приехала через 15 минут. В комнату вошли врач и фельдшер в белых халатах. Оба крепкие мужчины ростом под два метра. Халат фельдшера (Максиму показалось это странным) был просто накинут ему на плечи.

Осмотрев Юру, врач с некоторым разочарованием, как показалось Максиму, сказал:

– Ожог.

Он достал из саквояжа мазь и помазал Юре обожженное место на спине.

Когда крепкие мужчины уходили, халат фельдшера распахнулся, и Максим увидел, что под мышкой у него вдоль тела висит автомат без приклада. Максим понял, что под видом медицинской бригады к ним приходил спецназ: после неудачного штурма Останкино они искали в округе людей с пулевыми ранениями.

В маленьком актовом зале на первом этаже студент и начинающий предприниматель Соколкин устроил кинозал, где по вечерам демонстрировал за плату фильмы на видеомagneтоне. В основном американские боевики и фильмы ужасов, но были и французские комедии, в которых режиссеры неизменно подбирали в пару красавице невзрачных актеров, игравших нелепых героев, видимо, для того, чтобы обычный зритель не испытывал комплексов сравнивая себя с киношными красавцами.

После киносеанса Максим увидел выходящую из зала Аню. Он догнал её, и вместе они пошли по коридору.

– Я видел, как за твоей дверью скрылся лисий хвост, — сказал Максим и сделал многозначительную паузу.

Аня посмотрела на него искоса и сказала:

– Ну, если ты всё знаешь, тогда приходи на моё день рождение, я жду тебе через час в своей комнате.

Максим достал из тумбочки бутылку красного вина Киндзмараули, припасенную для торжественного случая. В качестве подарка он с намёком выбрал подарочное издание А. Брема «Жизнь животных». И через полтора часа постучал Ане в дверь. Она открыла: на ней была апельсиново-рыжая блузка из атласной мерцающей ткани.

– Проходи, — сказала Аня.

И Максим вошёл. К его удивлению за дверью оказался просторный зал, в котором находился длинный стол уставленный закусками. Хрусталь бокалов сверкал в ярком свете люстры. За столом сидело много гостей: женщин и мужчин.

– Садись, — показала Аня на пустой стул.

Максим послушался: справа от него оказался носатый парень с почти отсутствующим подбородком, слева блондинка, которая всё время рассматривала свои крашенные в малиновый цвет ногти на руке.

Когда Максим сел, парень склонился к его уху и шепнул:

– Зря пришёл, здесь опасно.

Максим удивленно посмотрел на него.

– Я рада, Максим, что ты пришёл, — Аня села во главу стола, — кстати, познакомьтесь — это Максим, — сказала она.

– Раз он опоздал, пусть выпьет штрафную, — сказала сидевшая напротив Максима девушка в обтягивающем черном платье с глухим воротничком и облизнула себе верхнюю губу кончиком языка.

– Штрафную, штрафную, — подхватили все.

Соседом девушки в черном платье был лысый мужчина с невероятно большими ушами, он протянул Максиму фужер с красной жидкостью:

– Мы пьем кровь, — сказал он.

– Кровь? — удивился Максим.

– Да, — кивнул головой лысый мужчина.

– Пей, — потребовала девушка в чёрном платье.

– Я не буду пить кровь, — отказался Максим.

– Ты обидишь именинницу, — сказала девушка в черном платье и снова облизнула свою верхнюю губу кончиком языка.

– Ты обидишь всех нас, — крикнула с другого конца стола щекастая женщина с немигающим взглядом.

– Пей, — хором закричали гости.

– Я не буду, — упирался Максим.

– Ты же опоздал, надо пить, такая традиция, — настаивала девушка в чёрном платье.

Максим встал из-за стола:

– Я лучше пойду.

– Хватит над ним смеяться, он мой гость, — нахмурилась Аня, — в фужере вино, — сказала она Максиму.

– Это правда?

– Да, — подтвердила Аня.

Максим взял фужер, подозрительно разглядывая жидкость, потом понюхал:

– Действительно: вино.

Гости тоже подняли фужеры с вином.

– Давайте выпьем за нашу Анечку, — сказала щекастая женщина с немигающим взглядом, — сегодня у неё появился второй хвост, это значит, что магические способности её выросли.

– Второй хвост? — удивился Максим.

– Да, ей сегодня исполнилось 200 лет, — негромко сказал носатый парень.

Так вот кто Кицунэ, подумал Максим. Тогда в двери ему мелькнул лисий хвост Ани, теперь, значит, у неё будет два хвоста.

Все выпили, Максим тоже выпил вино: оно оказалось очень приятное на вкус.

Носатый парень вдруг засмеялся.

– Почему Вы смеётесь? — спросил Максим.

– Мы, Лисы, можем находиться сразу в двух местах, — ответил носатый парень, — сейчас я ещё и комедию «Шум за сценой» сморю в театре Моссовета, эх, что Ян Арлазоров делает!

Значит, все собравшиеся здесь Лисы-оборотни, догадался Максим.

– У Ани следующим летом практика в Шамбале, — поднял бокал с вином лысый мужчина.

– Да, я давно мечтала побывать в Шамбале, — оживилась Аня.

– Давайте выпьем за её успехи!

– Правильно, — поддержал носатый парень.

Все выпили.

– А давайте в прятки играть, — предложила щекастая женщина с немигающим взглядом.

– Новенький водит, — сверкнула глазами девушка в чёрном платье.

– Тебе водить, — сказал лысый мужчина Максиму, — закрой глаза и сосчитай до трех.

Когда Максим открыл глаза: то обнаружил, что находится в лесу. Между стволами сосен ещё клубился туман, но уже победно щебетали птицы, приветствуя новый день. Натянутая между кустами паутина была украшена серебряным бисером росы. Рядом в прозрачной речке на перекате крутились в водовороте опавшие листья: казалось этот водоворот — портал в другое измерение. Одна сосна давно упала, и на концах веток сохранились только редкие пучки рыжей хвои. На пне по бокам росли трутовики похожие на большие уши. Максим увидел, как на пень прыгнула жаба и усталилась на него. С ветки на ветку перелетела, тяжело махая крыльями, сорока.

Максим сделал несколько шагов.

– Эй, разуй глаза, — услышал он голос.

Змея прямо перед ним, вильнув черным телом, скрылась в траве.

– Извините, — сказал Максим.

– Под ноги смотри, — ответил ему всё тот же, но уже приглушённый голос.

Максим увидел куст дикой малины, он хотел сорвать самую крупную ягоду.

Но куст дикой малины сказал:

– Ой!

И Максим не стал этого делать.

Вдруг с дерева на упавшую сосну спрыгнула белка и быстро побежала по стволу. Белка, как белка, Максим часто видел белок в Останкинском парке, апельсиново-рыжая, только с двумя хвостами.

– Чур палочки выручалочки, Аня, — показал рукой на белку Максим.

Белка замерла на месте.

– Как ты догадался? — спросила она голосом Ани.

– У тебя два хвоста, — ответил Максим.

– Ах да, я забыла, что у меня теперь второй хвост и его надо прятать, — белка в мгновение ока превратилась в Аню.

Максим только диву давался, неужели всё это происходит с ним?

Замаскированные Лисы вслед за белкой тоже приняли свой человеческий вид: куст дикой малины стал блондинкой с крашенными в малиновый цвет ногтями, змея превратилась в девушку в чёрном платье, и тут же облизнула свою верхнюю губу кончиком языка, жаба оказалась щекастой женщиной с немигающим взглядом, сорока, слетев на землю, обернулась

носатым парнем с почти отсутствующим подбородком, а на месте пня, словно из-под земли вырос лысый мужчина, у которого на месте ушей оставались трутовики, но и грибы через секунду превратились в уши.

Ну и дела, подумал Максим, в хорошую компанию он попал, ничего не скажешь!

– Ну, всё, всё, теперь за стол, – призвала всех вернуться к застолью щекастая женщина, — у нас ещё торт будет.

Максим не успел даже моргнуть глазом, как снова оказался за столом в просторном зале, освещённом хрустальной люстрой. Гости, оживлённо переговариваясь, обсуждали игру в прятки. Возлияния продолжились, тост следовал за тостом, Максим так напился, что полностью отключился, и очнулся только утром на кровати в своей комнате. Он стал восстанавливать в памяти события прошлого вечера, пытаясь из фрагментов сложить целостную картину. Всё, что с ним случилось, было похоже на сон. Может быть, Максим действительно спал. Но тогда получается, он не выяснил происхождение лисьего хвоста.

Максим умылся, выпил чай, и перед тем, как идти в институт, заглянул к Юре Германову.

– Ты как?

– Хреново, всю ночь не спал, — Юра мрачный стоял в двери.

– Я тоже, но это не важно, — сказал Максим, — ты так неожиданно наклонился, но я тоже хорош, — Максим придал своему лицу просительное выражение, — прости, Юр.

– Да ладно, что уж там, — Юра вздохнул.

– Может тебе принести что-то?

– У меня всё есть.

– Я куплю тебе яблок.

Максим шёл в институт. Он думал, что в первую очередь в литературном произведении важен язык. Автор должен чувствовать слово и, как выражался Пушкин «жечь глаголом», имея в виду тоже «слово». Великим писателям это удастся, но что любопытно, безымянные религиозные авторы не стараются работать с языком, но у них как-то само собой это получается, например: «возвеселился духом за имя Господне», как сказано!

Максим шёл по улице. Было довольно прохладно. С дерева сорвался жёлтый листок и парил до земли маленькой лодочкой: под деревом лежало много листьев. Максим подумал: если для красоты цветов есть объяснение: привлекать насекомых, то в красоте осеннего пламенеющего красками леса нет смысла. Природа в данном случае занимается чистым искусством.

Прохожих было мало. Они спешили по своим делам: парни в тонких куртках, втянув голову в плечи от холода. Поэтому один из прохожих очень удивил Максима. Это был Иуда, верней актер игравший Иуду в спектакле «Иисус Христос – суперзвезда». Удивил потому, что на нем была короткая чёрная туника, словно он вышел из театра, не переодевшись, и разгуливает по городу в своем сценическом наряде с голыми ногами. Но что еще больше удивило Максима, никто не обращал на него внимания, как будто ходить по Москве в туниках в это время года совершенно в порядке вещей.

Конечно, пришли новые времена и нормы поведения стали менее строгими, но всё равно это было странно, хотя бы потому, что он наверняка мёрз. У Максима возникла версия, что актёр, таким образом эпатируя прохожих, приобретает себе известность. Да, тяжел актёрский путь к славе!

Брутальный красавец Иуда размашисто шагал навстречу Максиму. Впереди его шла пожилая женщина в пальто с потёртым норковым воротником, у её светлых крашенных волос на голове проступали седые корни. Когда Иуда догнал пожилую женщину, он вдруг выхватил у неё чёрную сумку из кожзаменителя и бросился бежать по улице. Женщина закричала. Максим, находясь на расстоянии вытянутой руки от Иуды, попытался схватить его за тунику,

но тот увернулся и так сверкнул на Максима глазами, что попади этот взгляд на порох, тот бы вспыхнул.

Иуда скрылся в подворотне, пожилая женщина кричала. Её было жалко, но преследовать грабителя Максим не рискнул. Мало того, что Иуда был на голову выше его, и больше развит физически, Максима остановила ты злоба готового на всё человека, которую он увидел в глазах Иуды.

Пожилая женщина перестала кричать: она заметила милицейскую машину. Женщина замахала руками с тротуара, привлекая к себе внимание. Машина остановилась: из неё вышли два милиционера. Один с небольшим шрамом, рассекающим его верхнюю губу, второй рябой.

– В чем дело? – спросил рябой милиционер.

– У меня вырвали сумку, — всхлипнула женщина.

– Кто? – спросил милиционер со шрамом.

– Мужчина, он побежал туда, — женщина показала в подворотню.

– Давно?

– Минуты две, — неуверенно сказала женщина.

– Тогда мы не догоним, тут проходной двор, — сказал рябой милиционер.

– Свидетели есть? – спросил милиционер со шрамом.

– Как он выглядел? – поддержал его рябой.

– Вот свидетель, — женщина показала на Максима.

– Да, я всё видел, — подтвердил Максим, — это высокий мужчина, у него тёмные курчавые волосы.

– Во что он был одет? – спросил милиционер со шрамом.

– В тунику, — пожал плечами Максим.

– Что это такое? – не понял рябой милиционер.

– Одежда, которую носили древние греки, — объяснил Максим.

– Так он грек? – спросил рябой.

– Нет, он Иуда? – ответил Максим.

Милиционеры переглянулись:

– Давайте-ка в отделение, — сказал милиционер со шрамом, — там разберёмся, кто Иуда, а кто нет.

– Не слушайте его, — вмешалась пожилая женщина, — на грабителе была черная куртка и сини джинсы.

– Лучше бы он носил эту, как её... тунику, — хмыкнул рябой милиционер, — тогда бы его легче было найти.

В отделение Максиму всё-таки пришлось ехать. Там милиционеры составили протокол, который Максим подписал, как свидетель. В институт уже идти не имело смысла, и Максим решил пойти погулять по старому Арбату. В самом начале улицы сидели художники и тут же выставляли свои работы в качестве рекламы: они рисовали всех желающих.

На старом Арбате продавали матрешки с нарисованными на них руководителями СССР. Самым ходовым товаром у иностранцев была матрёшка с изображением Горбачёва: респект от них Михаилу Сергеевичу за капитуляцию в холодной войне. Продавались еще солдатские ремни, пилотки и шапки ушанки с кокардами, медали и ордена исчезнувшей империи. Максим подумал, что Россия, конечно, проиграла войну, но с развалом СССР она сократила фронт, теперь ей легче обороняться, собирая силы для нового наступления – это азы военной науки.

Возле стены памяти Виктора Цоя с его портретом и надписями с признанием в любви к музыканту лежали живые цветы: розы и гвоздики. Рядом в кругу слушателей играл на гитаре и пел, подражая Цою в заунывной манере, уличный музыкант с взъерошенными волосами, казалось, это лабал на гитаре сам Цой.

Максим послушал песню и хотел пойти дальше, но в этот момент в метрах пятнадцати от себя снова увидел Иуду. Тот пружинисто шёл по старому Арбату. Он был всё в той же чёрной тунике, и снова никто не обращал на него внимания, словно он умел отводить глаза всем окружающим. Поэтому версия Максима, что это актёр зарабатывающий таким образом себе популярность, была ошибочна. Но тогда кто он такой?

Максим стал следить за Иудой. Тот остановился возле товаров с атрибутами советской эпохи, делая вид, что рассматривает награды, и незаметно от полного продавца в шапке ушанке стянул что-то, кажется орден, с прилавка. Максим хотел закричать, поднять шум и уличить Иуду в воровстве, но побоялся, что тот снова убежит, поэтому решил сразу звонить в милицию.

Недалеко была телефонная будка, и Максим зашёл в неё. Сняв трубку, он дрожащим от волнения пальцем набрал 02, и тут же обернулся, посмотреть, где Иуда, и чуть не выронил трубку из рук: Иуда стоял рядом. Как он за пару секунд оказался у телефонной будки, было загадкой. Но факт остается фактом: Иуда смотрел на Максима через стекло злыми глазами. Максим с силой толкнул дверь и выскочил из будки. Иуда не успел схватить его, но вор явно нацелился поколотить Максима. Противостоять такому противнику Максим не мог, и поэтому бросился бежать. Топот за спиной означал, что Иуда настроен очень решительно, видимо, собираясь отомстить Максиму за помощь пожилой женщине.

Максим обернулся, посмотреть на Иуду и очень удивился: тот сильно прибавил в росте: он был уже раза в два выше Максима.

Максим завернул за угол и в надежде, что Иуда пробежит мимо, нырнул в первый попавшийся подъезд и взлетел на третий этаж: сердце его бешено колотилось. Максим стоял на лестничной площадке и вытирал пот со лба. Ну, и в переделку он попал: этот актёр просто великан!

Максим хотел выглянуть в окно, чтобы убедиться, что опасность миновала, но неожиданно в этот момент в окно заглянул сам Иуда. Его огромное лицо почти во всё окно было перекошено злобой. Иуда, очевидно, вырос уже до высоты третьего этажа.

Максим скатился с лестницы и выскочил из дома через чёрный ход. Он бежал по улице и, оборачиваясь, видел, что гигантский Иуда идет за ним, перешагивая через машины и другие преграды на своём пути. У Максима были все шансы погибнуть под стопой разъярённого исполина.

Максим снова свернул за угол, пытаясь оторваться от Иуды, и столкнулся лицом к лицу с Казуми. Господи, как некстати она оказалась не в то время не в том месте!

– Он... там... большой... беги, — задыхаясь, попытался Максим предупредить девушку об опасности.

Но Казуми, к его удивлению, спокойно выслушала его слова, видно, в Японии женщины тоже придерживаются кодекса война – Бусидо, по которому нельзя никак внешне проявлять внутреннее волнение. Даже когда из-за поворота появился гигантский Иуда, и стало понятно, о чём предупреждал Максим, девушка сохранила присутствие духа. Но через секунду стало понятно, почему она не поддавалась панике: Казуми на глазах Максима превратилась в Лису — Кицунэ с девятью хвостами, у неё была серебристая, казалось, сверкающая каждым волоском шкура.

Максим и так с трудом мог говорить от быстрого бега, но тут он совсем потерял дар речи. Ему показалось, что он сходит с ума, а ведь ещё день назад он ждал от Казуми нечто подобного. Однако сейчас он впал в ступор.

Максим был совершенно растерян, а его преследователь приближался, но Кицунэ с девятью хвостами подхватила Максима и со словами: «Не бойся», взмыла с ним в небо. У Максима перехватило дух, в ушах свистел ветер, но ему удалось всё-таки кинуть взгляд вниз: там, забравшись на крышу дома, ревел и бил себя кулаками в грудь, как Кинг Конг гигантский Иуда.

Белая слониха

Константин и Олег сидели в баре. Гремела музыка. По полу и по танцующим на танцполе людям скользили разноцветные пятна: лучи пускал блестящий шар, висящий под потолком. Олег недавно развелся и искал себе новую подругу жизни, впрочем, для него это было не сложно, благодаря своему обаянию в сочетании с напористостью он всегда пользовался женским вниманием, не смотря на малопривлекательную внешность: Олег был толстым и лысым. Константин худощавый, коротко стриженный, с полоской губ, словно поджатых из-за чрезвычайной надменности, впрочем, отчасти свойственной ему, облокотившись на стол, высматривал на танцполе красивых девушек. Константин любил женщин, но прежде всего ему нравилась новизна отношений, он часто повторял: у каждой женщины свой запах. По вечерам он выходил на «охоту»: знакомясь, иногда привозя девушку к себе домой: короткие встречи давали ему ощущение полноты жизни, но это стремление к разнообразию превращало его «охоту» в лихорадочный поиск: он словно выхватывал взглядом лицо девушки из хоровода женских лиц, и тут же это лицо уносилось прочь, а мимо уже мелькали другие симпатичные личики.

– Вчера жену свою бывшую на улице встретил, — сказал Олег, — она в сторону отвернулась, даже не поздоровалась.

– За что она так обиделась?

– Мы нормально жили, правда, чувствовал, она меня стесняется перед подругами: я на десять лет старше, толстый.

– Зато такой энергичный.

– Это не отнимешь, — хмыкнул Олег, — теща против меня её настраивала.

– Почему?

– Невзлюбила: был один случай, когда я ещё за своей будущей женой ухаживал, пришёл однажды к ней в гости, и уединились мы в комнате. А чтобы нам никто не мешал, я быстренько на дверь задвижку прикрутил. Представляешь, как мама девушки была удивлена, — засмеялся Олег, — когда, постучавшись, хотела войти, а дверь заперта.

– Представляю, — сказал Константин.

– А зачем врываться? — сказал Олег.

– Молодец! — теперь засмеялся Константин.

– Нравится тебе кто-нибудь из девушек? — кивнул Олег на танцпол.

– Нет.

– И мне нет, поедem в другой бар.

Константин и Олег вышли из бара. У входа парень в толстовке с капюшоном что-то рассказывал девушкам, девушки заливисто смеялись. Константин сел за руль своей машины, рядом опустился в кресло Олег, и они поехали по ночному городу. На мокром после дождя асфальте расплывчатыми пятнами отражались огни фонарей и наружной рекламы, делая похожей проезжую часть на картину импрессионистов.

Олег зевнул:

– Спать хочется. Вчера допоздна «Зловещих мертвецов» смотрел.

– Понравилось?

– Будущее ужасно, — вздохнул Олег.

– У американцев много таких фильмов: «Безумный Макс», «Водный мир», «Суррогаты».

– Как жить без надежды? — вздохнул Олег.

Пошёл дождь. Мужчина и женщина открыли над головами прозрачные зонты из полихлорвинила, со стороны казалось, что над тротуаром плывут большие медузы.

Константин припарковал машину недалеко от бара. Константин и Олег поднялись по ступенькам, выходящая из бара курносая девушка с чёлкой фыркнула в лицо Константина.

– Что это она? – удивился Олег.

– Мы с ней недолго встречались, — объяснил Константин, — обиделась.

– Что бросил?

– Я её не бросал, оставил её в машине ждать, а сам к другу зашёл кое-что отдать, сказал на пять минут, а просидел час.

– А она?

– Дождалась, хлопнула дверью и ушла.

– Ну, ты эгоист, — покачал головой Олег.

Стеклянный пол танцпола был подсвечен снизу, и казалось, люди танцуют, не имея под ногами никакой опоры. Учитывая их невесомость, можно было предположить, что это мираж. Бармен в жилетке и бабочке уверенно лил в бокал со льдом длинной струёй алкоголь. Константин и Олег сели за столик и осмотрелись.

Подошла официантка в белой блузке и с ободком-чепчиком на голове:

– Что будете заказывать?

Константин ответил:

– Пока ничего.

Официантка отошла.

– Вон смотри, две девушки сидят, — сказал Олег, — как тебе?

– У той, что справа лицо, как у моего одноклассника, — ответил Константин.

– А её подруга?

Константин отрицательно покачал головой:

– Она храпит как богатырша.

– Молодец, — усмехнулся Олег.

Официантка, стоя спиной к стойке бара, наблюдала за залом. Музыка прекратилась, и танцевавшие стали возвращаться за свои столики, официантку позвали. Бармен лил алкоголь в стаканы уже с двух рук.

– Кто-нибудь здесь нравится? – спросил Олег.

– Нет.

– Тогда поедem домой, — Олег зевнул.

Константин и Олег вышли из бара, сели в машину и поехали по ночному городу. Машины любителей быстрой езды срывались со светофора, как гончие, выпущенные на зверя, зато машины с опознавательным знаком такси, и так двигаясь медленно, притормаживали, проезжая мимо редких пешеходов.

– Завтра на работу, — снова зевнул Олег, — три года пашу как чёрт, — пожаловался он, — думал, начальником транспортного цеха сделают, а назначили со стороны парня моложе меня.

– Да, несправедливо, — согласился Константин.

– Наверное, уйду, — вздохнул Олег.

– Есть куда?

– Все равно.

Константин завез Олега домой и ехал со скоростью такси, следя краем глаза за тротуаром. Огоньки, украшавшие деревья казались экзотическими светящимися плодами. С подсвеченного рекламного щита улыбался изумлённый молодой человек, словно скидка на холодильник в 20 процентов все, что было нужно этому идиоту. Константин перевёл взгляд со щита на девушку, идущую по тротуару: высокую, с тёмными волосами до плеч, в блузке и в юбке чуть ниже колен. У неё были точёные лодыжки, идя на каблуках, она немного напрягала икры своих стройных ног. Проезжая мимо, Константин посмотрел на лицо девушки: расчёсанные на две стороны волосы обрамляли её высокий лоб, прямой нос был словно вымерен угольни-

ком, но особенно привлекательным её лицо с резко очерченными скулами делал разлёт черных бровей.

Константин остановился у обочины. Он вышел из машины, и подождал девушку.

– Девушка, Вы куда-то спешите, я могу Вас подвезти.

– Спасибо, я дойду.

– Можно, я Вас провожу?

– В этом нет необходимости.

– Но уже поздно.

– Я уже пришла.

– Жалко, — Константин хотел сесть в машину.

Но девушка остановила его:

– Какой-то ты, Костя, сегодня не настойчивый?

– Ты меня знаешь? — удивился Константин.

– Да, как-то в баре видела, подруга про тебя рассказала.

– Хорошо, я проявлю настойчивость, поедem ко мне.

– Такой простой!

– Я тебя не пойму, — нахмурился Константин.

– А что мы будем делать?

– Читать, — усмехнулся Константин, — как тебя зовут?

– Майя, — сказала девушка.

– Что ты предпочитаешь детективы или любовные романы? – спросил Константин.

– А ты? – вместо ответа спросила Майя.

– Журнал FORBES.

Константин открыл ключом дверь квартиры, шагнул в прихожую и включил свет. За ним вошла Майя.

– Проходи в зал, — сказал Константин.

На кожаном диване лежал журнал FORBES с фотографией Абрамовича на обложке. Константин убрал журнал на полку, поставил на столик конусовидные бокалы на тонкой ножке из зелёного стекла и налил в них мартини:

– Давай за знакомство.

Константин и Майя чокнулись и выпили.

– Чем ты занимаешься? – спросила Майя.

– Я безработный, — Константин с вызовом посмотрел Майе в глаза.

– Безработный, который читает журнал FORBES?

– Нельзя помечтать?

– А если серьёзно?

– Производством стеновых блоков, — Константин отвел взгляд.

За окном сверкнула молния, и раскатисто загрохотал гром.

– Ого, гроза! – сказала Майя.

В небе снова схлестнулись два светящихся кнута, и долго грохотал гром.

– Бог тоже на небе блоки делает, — кивнул Константин в сторону окна, — только вибратор на его станке мощнее.

Майя улыбнулась. Константин налил в бокалы ещё мартини.

Объятия Майи были мягкими и обволакивающими. Константин поцеловал маленькое родимое пятнышко в уголке её губ. Одеяло сбилось в кучу и мешало, пока Константин ногой не толкнул его на пол. Сердце Майи стучало быстро, и вдруг, как по команде забило в два

раза сильнее, Майя стиснула в своих объятиях Константина, когда она его отпустила, Константин лёг рядом, продолжая целовать Майю. Через пять минут они, крепко обнявшись, заснули.

Константину приснился его механик: бывший морской десантник, стоявший с широко расставленными ногами. С дрелями в полусогнутых он был руках похож на Шварценеггера из фильма «Коммандос», косившего с двух рук из автоматов вражеских солдат: болванов не умеющих стрелять.

Проснулся Константин с чувством беспокойства: не случилось ли чего на производстве, он посмотрел на часы: десять. Надо вставать, обычно он приезжал в цех к обеду. Константин повернул голову к Майе, чтобы разбудить её и... вскрикнул: с ним в постели лежала другая девушка: блондинка с вздернутым носиком, на щеке у неё полоской отпечаталась складка подушки, улыбка чуть тронула губы девушки, ей снилось что-то хорошее. Константин привстал на локте: невероятно: куда делась Майя, и откуда взялась другая девушка? Они поменялись ночью. Но зачем? Возможно, если бы он был вчера сильно пьян, и привез бы Майю на такси, то даже не помнил бы, как она выглядит, но он выпил только немного мартини. Просто загадка! Неужели он спал так крепко, что не слышал, как девушки ходят по квартире. Константин кашлянул, девушка открыла глаза.

– Доброе утро, — потянулась она, — хорошо выспалась.

– Ты кто? – Константин смотрел на неё.

– Это я – Майя.

– Какая, к чёрту, Майя?

– Понятно, ты удивлен, но это я, только у меня другая внешность.

– Что ты гонишь?

– Это так.

– Бред какой-то, — нахмурился Константин.

– Поверь мне. Представляешь, у тебя может быть девушка, которая каждый раз будет выглядеть по-другому, — улыбнулась Майя.

– Хватит мне лапшу на уши не вешать.

– Это правда я – Майя, смотри у меня родинка, — девушка села на кровати и повернулась к Константину: в уголке её губ было маленькое родимое пятнышко.

Странно, подумал Константин, неужели нашлись две девушки с похожими родимыми пятнышками да еще в одном и том же месте?

Девушка, видимо, чувствуя, что не убедила Константина, сказала:

– Хорошо, спроси меня, что-нибудь о вчерашнем вечере.

Константин задумался, потом спросил:

– Кто был на обложке FORBES?

– Ну, такой небритый, вечно лицо глупое делает, — девушка сделала паузу, – Абрамович.

Константин широко раскрыл глаза от удивления: даже если девушки сговорились: едва ли одна догадалась сообщить другой такую подробность. Но как такое может быть, чтобы девушка меняла внешность? Это волшебство, а он не верил в волшебство. Однако факты упрямая вещь. Только Майя видела фотографию на обложке журнала FORBES. Чёрт возьми, просто голова кругом идёт! Хотя прикольно иметь девушку, которая постоянно меняет внешность! — подумал Константин.

Он встал с кровати:

– Пошли завтракать.

На кухне Константин разбил на сковородку 4 яйца: подсолнечное масло на сковородке заискрилось, жалея раскалёнными брызгами. Константин убавил огонь. Майя села за стол, Константин поставил перед ней тарелку и положил на тарелку яичницу, порезал колбасу, хлеб, положил яичницу себе.

- Ты могла бы разведчицей быть, от слезки уходить, — Константин тоже сел за стол и взял в руку вилку, — кстати, чем ты занимаешься?
- Я учусь на дизайнера, — Майя положила колбасу на хлеб.
- Вот как! – Константин был немного разочарован.
- За подруг экзамены иногда сдаю, — пожалала плечами девушка.
- У тебя от родителей такая способность?
- Нет, мои родители обычные люди, инженеры. Вот прадед, говорят, умел в волка превращаться, но я думаю, это сказка.
- А что ты внешность меняешь, это не сказка? – засмеялся Константин.

Константин и Майя вышли из дома. После ночного дождя на мокром асфальте через каждые два-три шага лежали дождевые черви, свернутые по-разному они были похожи на буквы «Л», «О», «П», «У», два последних червя лежали крест-накрест.

Константин подвез Майю к институту. Студенты, которые вышли на перемену, группами стояли у входа: кто-то курил, вновь подходящие совершали целый ритуал, здороваясь с каждым за руку по кругу.

– Ну, пока, — сказала Майя.

Константин колебался: нужна ли ему такая странная девушка, но любопытство: действительно ли Майя меняет свою внешность или это был розыгрыш, победило.

– Давай вечером в кафе сходим, — сказал он.

– Какое? – охотно согласилась Майя.

– А какое ты хочешь?

– «Лисья нора», жди меня там в восемь, — Майя поцеловала Константина в щёку.

В восемь Константин сидел в кафе. Он изучал меню: тяжёлую книгу в кожаном переплёте. На столе перед ним стоял безалкогольный коктейль с трубочкой-перескопом.

Интересно, думал Константин, в каком виде сегодня придет Майя? Конечно, хорошо, когда есть интрига, но вдруг ему не понравится новая Майя. Хотя два прошлых раза она принимала вид настоящих красавиц, это внушало оптимизм.

Константин поглядывал на вход: в дверь вошла рыженькая девушка – она? впился взглядом Константин, но рыженькая села за другой столик. Вошла симпатичная брюнетка в рваных на коленях джинсах, перехватив взгляд Константина, брюнетка (жаль не она, подумал Константин) присоединилась к весёлой компании подружек, наконец, русая, голубоглазая девушка в красном платье с декольте направилась к столику Константина. Она улыбнулась, и верхняя губа у неё растянулась и стала тоньше нижней, ноздри как будто слегка раздувались: Константин был немного разочарован, и, видимо, это разочарование, как-то отразилось на его лице.

– Не нравлюсь? – Майя села за столик: в уголке её губ темнело маленькое родимое пятнышко.

– Очень нравишься, — Константин оценил большую грудь Майя.

– Я же вижу: не нравлюсь, — нахмурилась девушка.

– Ты выглядишь просто супер, — Константин был совершенно искренен.

– Ну и ладно, — надула губы девушка.

– Ты действительно сегодня сногшибательна, — сказал Константин, — но, кстати, можно выбирать, как ты будешь выглядеть?

– Тебе каталог предоставить? – усмехнулась Майя.

– А можешь ты в Монику Беллуччи превратиться?

– Размечтался.

– Не можешь?

– Здесь? Представляешь, что будет?

– А дома?

– Я тебя к ней ревновать начну.

– Забавно, ты будешь ревновать к себе в образе Моника Беллуччи.

Девушка улыбнулась.

– Что ты будешь? – спросил Константин.

– Чай и яблочный штрудель, — сказала Майя, — закажи, а я пока в дамскую комнату схожу.

Константин подозвал официанта и сделал заказ. Для себя он попросил мясо по-французски и тоже штрудель и чай. Да он просто султан, думал о себе Константин, у него практически целый гарем. (Он улыбнулся, вспомнив анекдот: султан говорит гарему: гарем у меня для вас новость, я полюбил другой гарем). Константин потянул из трубочки коктейль: настроение было отличное: ведь Майя практически гарантированно поедет к нему домой, чего нельзя с уверенностью сказать о какой-нибудь новой знакомой. Как же ему повезло! Ведь часто он получал отказ.

Константин снова потянулся рукой за коктейлем, когда к нему подошла незнакомая девушка. Она, не спрашиваясь, села за столик. У неё была короткая стрижка, длинные ресницы, губы бантиком, но главное, в девушке был шарм.

– Как дела на работе? – спросила девушка.

И тут Константин заметил маленькое родимое пятнышко в уголке её губ.

– Ты? – мелькнула догадка у Константина.

– Такой тебе нравлюсь? — девушка поправила свою бежевую блузку.

– Ты мне и прежней нравилась, — Константин подумал с сожалением, что у той Майи грудь была больше.

– Ну, и как дела на работе? – Майя повторила свой вопрос.

– Ничего, только станок после работы плохо чистят, черти, вторая смена ругается.

– А ты что?

– Выговор делаю, но вообще ребята молодцы: хорошо работают, правда, сейчас всё автоматизировано, вот когда начинал, много ручного труда было, на него в основном пьяницы соглашались. И что интересно, если праздник впереди, они не могли его дождаться, обычно дня за два начинали пить: то один запьет, то другой: не работаем, я им говорю, ребята, так весь смысл праздника в том, чтобы все напились в один день.

– Правильно, — засмеялась Майя.

У туалетов раздался гул голосов, и Константин обернулся на шум: симпатичная брюнетка показывала официанту с маленьким, словно обрезанным носиком, открытую сумочку. Другие официанты тоже присоединились к ним. Константин удивился: симпатичная брюнетка кивнула в его сторону, и затем в сопровождении официантов направилась к столику Константина.

– А где девушка в красном платье? – спросила у Константина симпатичная брюнетка.

– А что случилось? – ответил вопросом на вопрос Константин.

– У меня из сумочки, пока я подкрашивала губы, украли золотой браслет.

– А где была сумочка?

– Висела на плече, её расстегнули. В туалете было несколько девушек, но я запомнила в красном платье. Где она?

– Ушла.

– Вы её знаете?

– Практически нет.

– Но она была с Вами.

– Мы только что познакомились.

– Пусть полиция это выясняет, — вставил официант с маленьким, словно обрезанным носом.

– Послушайте, – сказал Константин, – почему Вы думаете, что украла она?

– А почему она так быстро ушла? – нахмурилась симпатичная брюнетка.

– Скажи им, – попросил Константин Майю.

– Что? – девушка подняла плечи.

Действительно, кто ей поверит, подумал Константин и приуныл.

– Он явно сообщник, — заключил официант с маленьким, словно обрезанным носом.

– Что за глупость, — Константин встал.

– Я уже вызвал полицию.

В кафе вошли двое полицейских (один розовощёкий, у другого ямочка на выбритом до синевы подбородке).

– В чём дело? – спросил розовощёкий полицейский.

– У нас кража, – ответил официант, — этот был вместе с воровкой.

– Я здесь не причём, – крикнул Константин, — настоящих преступников ловите.

– Ты нам ещё указывать будешь, – нахмурился полицейский с ямочкой на выбритом до синевы подбородке, — кстати, ориентировка была на одного воришку: фоторобот похож? — обратился он к розовощёкому.

– Похож, — подтвердил тот.

Когда полицейские уводили Константина, он бросил взгляд на Майю: на её лице было сочувствие, но в глазах, ему показалось, промелькнула насмешка.

В «обезьяннике» Константин сидел в компании бомжа и пьяной девицы в куртке из кожама испачканной грязью. Бомж – мужчина лет пятидесяти, скрестив руки на груди, лежал в пуховике прожженном в нескольких местах, на помосте, подложив под голову баул, из которого торчали тупые носы валенок. Девица маялась, бросаясь к решётке, она спрашивала у каждого проходящего полицейского:

– Имеет женщина право отдохнуть?

А когда полицейские удалялись без ответа, отступала к помосту:

– Вот твари!

Ну, попал, думал Константин, докатился до тюрьмы. Отличная компания: бомж и пьяная девица, ничего не скажешь: Майя удружила, хотя он тоже виноват: хотел иметь девушку, которая меняет внешность: теперь приходится расплачиваться.

Бомж почесал седую бороду и продекламировал:

– Я раздарил, чтоб радовать других

Добро своё из блёсток дорогих,

И я смеюсь над бедностью своей.

Вам жаль её? Подайте крошку ей.

– Поэт-бомж, – присвистнул Константин, сидевший на помосте.

– У нас в ночлежке в восемь утра дают кашу и чай, — бомж снова почесал бороду, — все едят и расходятся: вернуться можно только к восьми вечера. И вот весь день я хожу по городу и сочиняю стихи.

– А на работу устроиться не пробовал? – спросил Константин.

– Я пишу стихи.

– Кому они нужны?

– В моем лице Россия потеряла великого поэта не нашла, — грустно произнёс бомж, но потом приподнялся на локте и сверкнул глазами:

– На свалке книгу я нашел,

Открыл: отвисла челюсть.

С ума сойти: как хорошо!

Так написать бы если...

– Прикольно, — кивнул головой Константин.

– Хочешь, я еще почитаю? – бомж с искоркой сумасшествия в добрых глазах сел, свесив ноги в рваных кроссовках с помоста.

– Почитай.

– В детстве, бывало, проснёшься в доме родительском,

Думаешь: «Как хорошо, целая жизнь впереди!»

Девушка громко всхлипнула: в глазах её появились слёзы.

– Ещё почитать? — спросил бомж.

– Почитай, — пожал плечами Константин.

Но выступление бомжа прервал полицейский с ямочкой на подбородке до синевы подбородке, он подошёл к решётке и показал на Константина:

– На выход.

Полицейский загремел ключом в замке.

– А я? – девушка устремила к клетке.

– Ты ещё посиди, — рявкнул на неё полицейский.

Константин, шёл по коридору и думал: однако, интересный опыт у него появился: сидение в «обезьяннике», но нет худа без добра, (Константин усмехнулся) познакомился с поэтом.

На выходе из отделения полиции Константина ждала симпатичная брюнетка в рваных на коленях джинсах.

– Я забрала заявление, — сказала она.

Константин кивнул головой и пошёл по улице. Рядом был парк. У входа в парк стоял памятник известному писателю, хотя из-за птицы, сидевшей на голове памятника, казалось, что это кирасир в каске с узким гребнем с черным волосяным плюмажем.

– Хорошо, что этот с ямочкой на подбородке дежурным был, — услышал он голос: симпатичная брюнетка догнала Константина, — он узнал меня и без паспорта заявление отдал.

– У тебя что, паспорта нет? – спросил Константин.

– Это я Майя, – симпатичная брюнетка взяла его под руку.

Тут только Константин заметил родимое пятнышко в уголке губ.

– Майя? – он был удивлен.

– Да, я приняла вид той девушки из бара.

– Ловко.

– Кстати, я тебе нравлюсь такой?

– Да.

– Тогда я оставлю эту внешность.

– Оставь.

– Ну, и что дальше?

– Я поеду домой.

– А меня ты не хочешь с собой пригласить?

Константин был в нерешительности. Какие еще сюрпризы приготовит ему Майя, меняя внешность? Но главное, с кем в действительности он имеет дело? Как он должен представлять себе Майю, когда думает о ней? Кстати, говорящее имя она носит — Майя: ведь в индийской философии майя – кажется, означает иллюзорность мира.

– Послушай, Майя, – нахмурился Константин, — а какая ты настоящая? Ведь есть же у тебя свой вид, первоначальный что ли?

– Настоящая я только в своём мире.

– А где твой мир?

– Ты хочешь в нём побывать?

–Хочу.

– Садись на лавку, закрой глаза. Я считаю до трех, на счет три ты перенесёшься в мой мир.

Константин посмотрел на небо: там висело странное зеленоватое облако похожее на волшебный туман. Константин закрыл глаза и на счёт три на секунду, как ему показалось, потерял сознание.

Константин стоял на вершине холма, с которого в долину сползали ровно постриженные зелёные кусты чайной плантации с проходами между рядами, казавшимися издали бороздами, словно по земле прокатилось большое колесо, оставив след от протектора. Вдалеке с горы устремлялась вниз река водопада, разделяясь на ручьи и струи похожие на путаницу серебряных цепей. В долине над джунглями возвышался ступенчатый храм от времени потерявший чёткость линий и казавшийся оплывшим. Константин захотел увидеть это храм вблизи и стал спускаться с холма. Пятнистый олень, наблюдавший за ним с опушки, одним прыжком скрылся в лесу, задрав вверх свой белый короткий хвост. Стадо слонов, среди которых был один необычного белого цвета, проследовало мимо Константина, не обращая на него внимания, только белый слон протянул к нему хобот, словно подавая руку, чтобы повести за собой, но Константин стоял, как вкопанный. Вдруг вожак – огромный слон огласил окрестность страшным рёвом. Константин вспомнил, что он читал про слоновью ферму, как по ночам к ней приходят дикие слоны из джунглей и пытаются проникнуть через ограду к слонихам, надо же, подумал Константин про слонов, на вид такие увальни, а на деле настоящие повесы.

Константин вступил в джунгли: было жарко и душно. На тропинке то и дело встречались огромные улитки: Константин старался не наступить на них. Слева росла слоновья трава, высотой в два человеческих роста, справа папоротник создавал своими большими листьями похожими на листья пальм густой подлесок. У обезьян в кроне дерева, судя по надрывным голосам, произошла семейная ссора.

Тропинка привела к храму: Константину показалось, что он похож на готический собор по богатству каменной резьбы и количеству архитектурных деталей. Храм украшали барельефы: особенно много было полногрудых танцовщиц с осиными талиями, которые, как правило, стояли, чуть согнув одну ногу в колене и немного наклонившись в бок, как бы совершая волнообразное движение телом. Деревья со всех сторон подступали к храму, но не касались его стен: с ними велась борьба. Константин вошёл в храм, окунувшись в прохладу. Первое, на что он обратил внимание, был барельеф многорукого божества. Константин подумал: что как долго было бы здороваться с многоруким человеком, если бы действительно такие люди существовали, пока все руки пожмёшь, зато при голосовании на собрании он ценный сторонник: один может сразу поднять несколько рук. На небольшом возвышении перед божеством лежали засушенные лепестки.

Константин вышел из храма (он хотел обойти его вокруг) и столкнулся с девушкой: полногрудой, с осиной талией: одетая в сари, она держала на плече кувшин, а в руке узелок. Её глаза, словно из раскалённого графита в момент его превращения в алмаз, и лицо с маленьким носиком и пухлыми губами (верхняя губа похожа на гору с двумя вершинами), пробудили в Константине самую загадочную в мире силу: притяжение полов. Девушку сопровождала белая лопухая собака, у которой на шее висел веночек из оранжевых и желтых цветов, а на голове была нарисована ярко-красная полоска. Собака зарычала. Девушка широко раскрыла глаза на Константина.

– Так вот ты какая! – улыбнулся он.

– В этот храм мало кто ходит, — сказала девушка.

– Ты здесь живёшь?

– Я ношу воду и еду брамину, он следит за храмом.

– А на собаке почему веночек?

– Сейчас у нас праздничная неделя: каждый день оказываются почести разным животным: собакам, воронам, коровам и в последний день – человеку.

– Нравится мне ваша религия, — сказал Константин.

Девушка в ответ только улыбнулась.

– А где брамин? – спросил Константин, — его нет в храме.

– Наверно, в хижине, — сказала девушка.

Константин и девушка завернули за угол храма. Собака, радостно виляя хвостом, бросилась к худому мужчине с коричневой кожей: из одежды на нем была только тряпка, обмотанная вокруг бёдер, грудь прикрывала густая всклокоченная борода. Брамин с закрытыми глазами сидел в позе лотоса: подошва его лежавшей сверху ноги с вывернутой ступнёй была светлей, чем его кожа. Константин оценил примитивную хижину брамина из пальмовых листьев. Он подумал, что в дождь, наверно, приятно находясь в ней, беззаботно прислушиваться к шуршанию капель по крыше, хотя это может и надоест.

– Ему не скучно одному в лесу? – спросил Константин.

– Он не один, — ответила девушка, — обернись.

Константин обернулся: перед ним стоял тигр: шерсть по краям его моды казалась седыми бакенбардами. Константин не слышал, как тигр подкрался, странно, что даже собака не залаяла, впрочем, это было уже не важно: Константин задрожал, как лист.

– Не бойся, — сказала девушка, — он ручной.

И действительно вместо того, чтобы одним броском прикончить свою жертву, тигр сел на задние лапы.

– Ты хоть бы предупредила, — сердце Константина бешено колотилось.

– Для меня он как кот.

– Ничего себе котик, — Константин утер пот со лба: хотя девушка его немного успокоила: все равно ему было не по себе рядом с тигром.

– Не представляешь, какой он ласковый.

Константин, на которого накатила нервная дрожь, покосился на тигра.

Девушка поставила кувшин и положила узелок перед брамином.

– Он все время так сидит? – спросил Константин.

– Практически, да: меньше желаний, меньше искушений — вместо девушки ответила собака, — он не хочет портить карму, чтобы его душа после смерти не переселилась, например, в собаку.

– Или тигра, — добавил тигр.

– Невероятно, — Константин был удивлён, — вы умеете говорить?

– Да в прошлой жизни мы были людьми и ещё помним человеческую речь, — ответила собака.

– Просто в голове не укладывается, — Константин подумал: так только в сказке бывает, когда звери разговаривают.

– Я много пил и гулял, вот и стал собакой, — сказала собака.

– А я, — признался тигр, — не отдал большой долг.

Что за странный мир! Только что он пережил страх, а теперь испытал настоящий шок: разве могут звери разговаривать? — думал Константин, он слушал собаку и тигра и не верил своим ушам.

– Надеюсь, в следующей жизни наши души снова попадут в человеческие тела, — сказала собака.

– А вдруг из человека в животное можно переродиться, а из животного в человека нет? – усомнился тигр.

– Говорят же о человеке: злой как собака, значит, он был в прошлой жизни собакой.

– Это может быть только образное выражение, — возразил тигр.

- Вы можете помолчать, – брамин вдруг открыл глаза, — мешаете сосредоточиться.
- Нам надо иногда говорить, чтоб не забыть человеческий язык, — сказала собака.
- Я начал уже задумываться, подбирая слова, — вставил тигр.
- Тогда разговаривайте в другом месте! — брамин был раздражен.
- Тигр и собака переглянулись:
- Понятно, опять не попал в нирвану, — сказала собака.
- Тигр как кот несколько раз лизнул свою лапу, наводя красоту.

Константин очнулся на скамейке в сквере. Рядом сидела симпатичная брюнетка в рваных на коленях джинсах. Каштан как многорукое божество держал в каждой руке пирамидальную метёлку белых цветков. На клумбе росли оранжевые и жёлтые бархатцы похожие на цветы, из которых был сплетен венок собаки.

- Ты мне очень понравилась там возле храма! — сказал Константин.
- Возле храма? – Майя пожала плечами, — это была не я.
- Как?
- У той девушки было родимое пятнышко в уголке губ?
- Нет, — Константин был озадачен.
- Вот видишь.
- Но ты говорила, это твой мир.
- Я тоже там была, — грустно улыбнулась Майя, — ты меня не заметил.
- А ты можешь превратиться в ту девушку? – глаза у Константина горели.
- Могу.

Константин целовал нежные ладони маленьких рук индианки. Её смуглое тело казалось совсем тёмным на простыне. Девушек с таким цветом кожи у Константина ещё не было. Он был страшно доволен такой экзотикой. Константин почувствовал, как индианка забилась словно птица, попавшая в сеть, и это трепет передался ему.

Когда Константин проснулся, то обнаружил, что Майи рядом уже нет. Он потянулся, счастливый, и, услышав шум в прихожей, встал с кровати. Константин вышел проводить Майю, сказать ей, что ему запомнится эта ночь и ещё что-нибудь в этом роде, но перешагнув порог комнаты, пораженный замер на месте. Майя подкрашивала глаза перед зеркалом: Константин видел её со спины, но в тоже время он видел отражение Майи в зеркале: вместо носа у неё (о, ужас!) был небольшой хобот. Вот какая она настоящая, мелькнуло у Константина в голове. Майя, у которой была поразительно белая кожа лица, взяла хоботом губную помаду со столика и нарисовала ей на зеркале сердечко.

Летающие обезьяны.

В день своего тридцатилетия Андрей летел в Таиланд. Это был самый необычный день его рождения. Одиннадцать часов в самолете заключенным в тесное кресло: ноги девать было некуда. Андрей встал в туалет и ударился головой о полку. Вместе с Андреем в Бангкок летела юношеская футбольная команда. Сосед Андрея рыжий футболист с бесцветными ресницами и румянцем на щеке (которую видел Андрей) похожим на очертание Северной Америки, сказал:

- Осторожно отец, самолет не развали.

Конечно, это была шутка: не намного он и старше, но в каждой шутке есть доля правды: вот уже и отцом называют, с грустью подумал Андрей, ничего не скажешь: хорошо день рождения проходит!

В аэропорту Андрея встретила симпатичная девушка по имени Денг. Она училась в университете, сносно говорила по-русски и подрабатывала гидом в туристической фирме. У Денг были черные волосы, собранные в хвост: улыбаясь большим ртом, она показывала прекрасные зубы, но поскольку Денг все время улыбалась, зубов было слишком много. Вообще, как заметил Андрей, тайцы видом и цветом кожи похожи на индусов, но на форму их глаз повлияла близость Китая.

Денг на своей машине отвезла Андрея в центр Бангкока. В холле гостиницы «Азия» играла на трехструнной лютне тайка в национальном костюме – сама как маленький храм: вся одежда в золотом шитье, высокий головной убор из золота – красота и богатство!

В номере Андрей принял душ, надел шорты и майку труссарди со значком собачки-гусеницы, и вышел в город. Было жарко и влажно. Начался дождь, но капли не достигали земли, как по волшебству высыхая еще в воздухе. От выхлопных газов бесчисленных машин у Андрея закружилась голова, он увидел, что полицейские здесь ходят в масках, которые наверно им немного помогают, но больше всего Андрея поразили туземные собаки, изуродованные влажностью: на них только кое-где клоками висела шерсть: постарался лишай. Андрей ушел в сторону от оживленной автотрассы, но дышать легче не стало, на пешеходной улице к нему со всех сторон потекли запахи: предприимчивые тайцы жарили на жаровнях сверчков, жуков, тараканов и (как он узнал) больших водных клопов, из этого следовал вывод, что местная природа щедра на продовольствие, главное – привычка. Навстречу таец вел на веревке слоненка. Это была словно ожившая картинка из детской книжки, но в отличие от обычно улыбающегося со страницы жизнерадостного друга детей, слоненок выглядел приунывшим.

Весь следующий день Андрей был занят работой: переговоры, консультации. Все удалось! И у него осталось свободное время. Денг в качестве культурной программы предложила поездку в монастырь, который, по ее словам, находился в очень живописном месте: в джунглях на скалистом берегу реки. Андрей охотно согласился: там хотя бы можно дышать!

Хорошая машина Денг по хорошей трассе быстро несла их на север. Растительность атаковала дорогу с двух сторон, высоко, что бы следить за боем поднимались пальмы, качая на ветру своими тонкими ручками с широкими ладонями листьев.

– Почему ты выбрала этот монастырь? – спросил Андрей.

– Там есть саддвигающихся камней,— ответила Денг.

– Как это?

– Каждую ночь огромные камни каким-то образом перемещаются.

– Разве это возможно?

– Более того монастырь все время меняется: колонны появляются, арки, которых раньше не было.

– Просто ты раньше их не замечала.

– Я тоже так думала. А ступеньки?

– Какие ступеньки?

– Перед центральным входом. Их всегда разное число, я считаю.

– Что же это значит?

– Не знаю. Но что удивительно: в этот монастырь приходят раненные антилопы и малайские олени, откуда-то знают, что здесь их спасение.

– В монастыре живут?

– Нет, монастырь заброшенный: приезжают экскурсии. Но один раз в году в главном храме, когда луч Луны падает на статую Будды, можно различить фигуру сидящего перед статуей монаха. Хотя один американец посветил фонарем, и никакого монаха не увидел.

– Да, загадочный монастырь, — сказал Андрей.

– Интересный! – кивнула Денг.

Андрей и Денг оставили машину в деревушке, где их встретил передовой пост глазающих ребятишек и слон, который по очереди ощупывал хоботом головы детей, словно пересчитывая их, как воспитатель.

Добраться до монастыря можно было только по подвесному мосту, соединяющему два скалистых берега. Внизу бешено клочкотала река, видимо, пытаясь их оглушить. Хлипкий мост раскачивался под ногами Андрея и Денг над бурлящим жёлтым потоком, и Андрей чувствовал себя канатоходцем под куполом цирка. Теперь главное, чтобы не подвели подгнившие доски. Река издала какой-то совсем уже рык, перекрывший общий шум, словно кричала: я до вас доберусь! Но Андрей и Денг благополучно перешли на другой берег.

К главному входу монастыря вели ступеньки.

– На это раз 53, — посчитала Денг, — а было 58.

– Ты часто здесь бываешь?

– Раньше чаще, у меня скоро экзамены, кстати, я хотела спросить: как правильно говорить «жду автобуса» или «жду автобус»?

– Я бы сказал: жду автобус, — ответил Андрей.

Андрей и Денг вошли в монастырь. Здесь могучие деревья боролись с камнями, но храм стоял непоколебимо, стиралась только резьба с его стен, хотя еще во многих местах были видны высеченные на камне картины: Будда сидящей в позе лотоса, Будда лежащий на боку, снова сидящий Будда и тут же рожи каких-то активных демонов, которых одолевала жажда деятельности – наглядная агитация строителей. На земле всюду лежали небольшие камни, выпавшие из стен, словно храм отбивался ими от деревьев, чтобы те ослабили свой напор. В большом пруду розовели лотосы. Монахи, отказывая себе во всех удовольствиях, сделали исключение для этих цветов. Ясно было, что любуясь ими, они так до конца и не освободились от плена желаний.

В тени на выступах храма расположились обезьяны: кто-то из них спал, кто-то выбирал из шкуры соседа насекомых, мамы возились с детьми. Казалось, что это воинство, которое пошло на приступ крепостной стены, но забыв о своей цели или просто заленившись, расположилось на отдых. Андрей и Денг подошли ближе. Макаки забеспокоились. Проснулись спящие, и все смотрели своими близко посаженными глазами на людей, их черные острые уши, были похожи на маленькие крылышки. Вожак крупный самец с серебристым мехом впереди и черной полосой на спине поднялся с земли и принял угрожающий вид: открыв пасть с большими клыками, морда его стала быстро розоветь. Обезьяны за его спиной тоже заметно нервничали. Но Денг достала из сумки бананы и положила их перед вожаком. Вожак, не смотря на то, что получил подарок, попытался проверить еще и сумку Денг. Та засмеялась и потянула сумку к себе.

– Каков наглец! – сказал Андрей.

– Это он по-свойски, мы с ним дружим.

– Вот как!

– Я перед обезьянами в неоплатном долгу.

– Почему?

– Однажды они мне перстень принесли с драгоценным камнем.

– Ого! – воскликнул Андрей.

– Я его продала и учебу в университете оплатила.

– Откуда же они взяли перстень?

– На месте монастыря когда-то был древний город. Тут где-то подземная сокровищница есть. Помнишь «Маугли»?

Андрей и Денг вошли в храм. На статуе Будды золотая краска почти отлетела, нос был отбит, но каменные наги, которые вили свои кольца у ног Будды, хорошо сохранились, казалось, что они сейчас поднимут головы и расправят свои капюшоны.

Пока Андрей разглядывал змей, произошло нечто странное. Денг скрылась за какой-то дверью: Андрей лишь заметил мелькнувший хвост ее волос. Андрей пошёл за девушкой и попал в пустую комнату. Куда делась Денг – непонятно, разве что в небольшой проем в стене, но нет: он слишком мал. И главное: почему она так неожиданно исчезла?

Андрей вернулся к Будде, надеясь, что Денг скоро появится, и все объяснит. В самом деле: она же серьезная девушка: что это за игра в прятки? Через полчаса Андрей стал сердиться. Через час он вышел из храма и обошел весь монастырь: Денг нигде не было. Что за шутки!?! – вконец разозлился Андрей: ушла ничего не сказала. Обезьяны что-то выкрикивали ему вслед, казалось, они смеются над ним.

Дневная жара заставила Андрея вернуться в храм. В комнате, где исчезла Денг, была маленькая кровать покрытая циновкой. Андрей лег на нее, и только тут почувствовал, как устал. Сон быстро сморил его, хотя Андрей не спал, скорее, находился в полузабытии, глубоко заснуть ему мешало пережитое волнение. В таком состоянии человек не только получает бесконечные возможности сна, сверхсилу и неуязвимость, но и наблюдает за собой как бы со стороны, испытывая настоящее раздвоение личности. Андрей слышал пение птиц, крики обезьян, понимал, где находится, но в то же время у него возникли видения: помимо Андрея в комнате находились еще двое (на самом деле или ему это снилось?): старуха, у которой во рту не было половины зубов, и старый монах с худыми как у ребенка руками.

– Теперь ни сюда, ни отсюда дороги нет, — засмеялась старуха, — стоит кому-нибудь ступить на подвесной мост: тот рухнет.

Монах молчал, возможно, он спал: глаза у него были щёлки.

Андрей сделал над собой усилие, чтобы вернуть себя в состояние бодрствования: в комнате находился только он. Хорошо, что это сон, подумал Андрей. Вот напугала старуха. Страшно, если мост упадет, Андрей вспомнил бурную реку: из нее не спастись. Но где же Денг, чёрт возьми!?! Сколько можно ее ждать? Может быть, она искала его, пока он дремал, а потом ушла в деревню? Ему тоже надо идти в деревню, пока не стемнело. Когда они встретятся Денг у машины: он скажет все, что о ней думает. А еще пожалуется ее начальству: кто так поступает с гостями?

Андрей вышел из храма. Белые-белые облака застыли в небе. Как же здесь красиво, и это небо... подумал он, но потом словно опомнился: ведь он один в заброшенном городе-монастыре. Ну и дела! Андрей шагал быстро, затем стал замедлять шаги. Конечно, он не поверил старухе, но в глубине души чувствовал беспокойство: бывают же пророческие сны. Чёрт бы побрал этот мост! В сумке у Андрея было несколько бутербродов с ветчиной и сыром: он съел один и запил водой из пластиковой бутылки. Настроение улучшилось.

Подумаешь, небольшое приключение. Но ничего, сейчас он перейдет через реку: Денг наверняка ждет его у машины. Они сядут в автомобиль, включают кондиционер и помчатся в Бангкок.

Многоголосые джунгли удивляли разнообразием звуков: заявляли о себе птицы, обезьяны криками обозначали свой путь в кронах деревьев. Вдруг Андрей замер на месте: он заметил какое-то движение в лесу. Среди папоротников промелькнула полосатая шкура.

«Тигр», — сердце Андрея забило сильнее.

Денг ничего не говорила о тиграх. Ух! Возможно, вот причина отсутствия Денг: на нее напал тигр-людоед. Ужас! Теперь не важно: упадет подвесной мост или нет: дойти бы до него. Но до монастыря было ближе: Андрей решил не испытывать судьбу и спрятаться в храме. Давно он так не бегал!

Андрей подпер дверь комнаты кроватью и еще положил на кровать камни. Страшно! Получается, теперь он в осаде с двумя бутербродами, хорошо вода есть: надо ее экономить. Вот тебе и небольшое приключение. Попал в настоящую передрагу. Судя по всему, на помощь извне рассчитывать не приходилось.

Андрей выглядывал в зарешеченное окно: не бродит ли тигр вокруг храма: но тигра не было. Темнело. Андрей сел на циновку в углу комнаты. Усталость и переживания сделали свое дело, и Андрей снова впал в полубабытьё. Он осознавал, что находится в комнате и при этом его опять посетила старуха, у которой не было половины зубов. Она хитро улыбалась:

– Я тебе помогу. Дам совет. Живущие здесь обезьяны умеют летать. Они подхватят тебя и перенесут на другой берег, надо только их попросить.

– Как? – спросил Андрей и проснулся.

Комнат была пуста.

Утром Андрей отодвинул кровать и осторожно выглянул в дверь. Обезьяны ночевали в храме. Одна из них устроилась на коленях Будды. Детеныши обезьян: худенькие и большеголовые – были похожи на инопланетян. Андрей вышел из комнаты. Вожак обезьян показал свои клыки. Из-за густого меха казалось, что на голове у него капюшон, из-под которого зло смотрели глаза.

«Мост рухнет, теперь вот летающие обезьяны», — подумал Андрей, — «что еще старуха придумает?»

Может, он все еще спит, а во сне летают не только обезьяны. Андрей ущипнул себя: нет, это был не сон. Конечно, обезьяны не летают, вот если бы он увидел, как они взлетают. Стоп! Получается, он допускает, что обезьяны могут летать. Это же бред. Он от страха сходит с ума. Скажи: летающие обезьяны – засмеют. Хотя это не обычный монастырь, может быть, и обезьяны здесь необычные – практикующие левитацию. Во всяком случае, ему ничего не стоит попросить их перенести его на другой берег, конечно, результата не будет, но просто, чтоб об этом не думать. Но сначала нужно подружиться с обезьянами, решил Андрей. Он достал оставшиеся бутерброды и положил их перед вожаком, не смотря на то, что сам был не прочь подкрепиться: пусть трескает дальний родственничек. Вожак почесал голову, как бы раздумывая: принимать угощение или нет, и взял бутерброд.

Андрей подождал, пока его обезьянье величество закончит завтрак, и сказал (конечно, это было глупо)

– Перенесите меня на другой берег.

Но вожак вместо того, чтобы подняться в воздух и подхватить вместе с другими обезьянами Андрея, присоединился к стае.

– Ну, что вам стоит? – Андрей слабо улыбнулся.

Обезьяны только тарачились на него, явно не понимая, что он от них хочет.

Конечно, все это было глупо, глупо и еще раз глупо. Он современный человек, бизнесмен на секунду поверил в летающих обезьян. Но чтобы выбраться отсюда, согласишься во что угодно. Андрей знал про потерпевших кораблекрушение, что в одиночестве на необитаемом острове они сходят с ума, но это за долгое время, а он уже в первый день ведет себя как полоумный. Чёртова старуха, просто издевается над ним. Надо опять попытаться заснуть, интересно, что теперь она скажет.

Андрей вернулся в комнату: на этот раз он даже не засыпал: старуха уже его ждала. Если бы он пил, что подумал, что это белая горячка.

– Вы надо мной смеетесь, — крикнул Андрей.

– Ты еще раз попробуй, — сказала старуха, — только на их языке. Я тебя научу. Запоминай. Гы-гуа-гуа-гыгыгыг.

– Я не идиот.

– Ты попробуй, попробуй, главное мимика – смотри, — старуха скорчила рожу, брови ее при этом двигались, — а лучше всего встань на четвереньки, чтобы показать, что ты относишься к ним, как к равным.

– Я не буду этого делать.

– Хочешь выбраться отсюда? – хихикнула старуха.

Андрей снова вышел из комнаты. Прекрасно! Его ждет испытание, которое назначают стеснительным людям, чтобы они раскрепостились: в оживленном месте вести себя так, чтобы привлекать внимание, с тем различаем, что его никто не увидит. Хорошо хоть так! Можно, конечно, плюнуть на советы старухи, но раз уж он сделал первый шаг, что ж теперь отступить. А вообще, это даже забавно, есть элемент игры, к чёрту правила хорошего тона, долой условности: Андрей встал на четвереньки, и скорчил рожу:

– Гы-гуа-гуа-гыгыгыг.

Ничего не произошло.

Андрей повторил:

– Гы-гуа-гуа-гыгыгыг.

И даже попытался подвигаться как обезьяна, сгибая руки в локтях: обезьяны смотрели с интересом. Но тут он услышал за спиной женский голос:

– Wild man. (дикий человек)

Андрей обернулся: у входа стояло человек десять европейцев и таец. Андрей поднялся на ноги.

– Wild man. (дикий человек), — повторила толстая девушка в звездно-полосатой майке.

Андрей покраснел.

– You passed over the bridge (вы по мосту прошли)? – спросил он.

– Of course (конечно).

Мышиная свадьба

Семен был экспедитором. Грузовик Volvo с краном-манипулятором вез стеновые блоки в деревню Лески Орловской области. Водитель Олег веселый толстяк всю дорогу рассказывал о своих многочисленных романах. Он встречался с радостью и расставался без сожаления с каждой новой женщиной. Женщины тоже, судя по всему, легко переносили разрыв с ним, потому что Олег сразу задавал легкий и несерьезный тон отношений: вился ужом и утекал как вода сквозь пальцы. Он был как погодное явление, ну налетел вихрь, ну пошел дождь, что ж теперь делать? В нем чувствовалась мощь бывшего боксера, лысый череп его казался отполированным.

– Ох, эти женщины, — вздохнул Олег.

– Какая у тебя интересная жизнь, — сказал Семен.

– Я хотел бы жить с одной.

– А почему не живешь? – спросил Семен.

– Пока не встретил свою половинку, — вздохнул Олег.

– Встретишь, — сказал Семен, — я, кстати, думаю, что в отношениях между мужчиной и женщиной не бывает, что один плохой, а другой хороший, просто: люди подходят друг к другу или не подходят.

По сторонам от дороги зеленели хлеба, иногда на лужайке встречалось футбольное поле с воротами из березовых жердей, означавшее, что за лесопосадкой скрывается деревня. В оврагах зелень была ярче, насыщеннее, имела больше оттенков, особенно там, где на дне поблескивало живое тело ручья.

– Слушай, — сказал Семен, разглядывая карту, — мы можем поехать не через Новосиль и Залегощь, а напрямую через Суворово.

– Давай, — согласился Олег, — если так ближе.

Зеленые поля сменились лугами заросшими сурепкой, иногда в этом желтом море розовел островок иван-чая. Луга ползли на холмы или спускались в низины, но потом снова поднимались к горизонту. Перед машиной пролетела большая хищная птица – знак безлюдных мест. Хорошая асфальтовая дорога перешла в разбитую бетонку. Порой лес выставлял караул к самой обочине, и ветки скребли по стеклу кабины с противным визгом.

– Странно, — сказал Семен, — а на карте хорошая дорога указана.

– Назад возвращаться большой крюк, — заметил Олег.

– Тут не далеко, доедем потихоньку.

– А вдруг не туда свернули?

– Спросить не у кого, — развел руками Семен.

Им давно уже не попадалось никаких машин. Из следов человеческой деятельности была только старая крышка, в центре которой выросла трава. Грузовик подкидывало на стыках плит: хорошо, что он был на воздушной подвеске. Ехали с минимальной скоростью.

– Кто ж эти карты составляет! – возмутился Семен, — поубивал бы.

– Соляры погнем, — поддакнул Олег, — хорошо заправились в Медвежке.

На какое-то время их со всех сторон обступил высокий лес практически без подлеска, казалось, они попали в мрачное подземелья: без солнца настроение стало еще хуже. Когда они выехали из леса, плиты кончилась, вот так: просто кончились, дорога продолжалась по лугу.

Олег остановил машину:

– Ну, что делать?

– Едем.

– Опасно.

– Назад-то далеко возвращаться.

- Что случится, мы здесь и трактора не найдем машину вытянуть.
- Дождей две недели не было.
- Ну, давай рискнем, — вздохнул Олег.

Они ехали по примятой траве на лугу, собственно это и считалось дорогой. Составителей карт сейчас бы на их место: сам грузовик весит 12 тонн, да еще везет 20: и это по земле. Любой сырой участок, и машина забуксует.

– Ну и места, последний раз здесь немцы на танках в 41-м году проезжали, — пошутил Олег.

- Кто-то здесь ездит. Трава примята, — заметил Семен.
- Смотри, дом, — показал подбородком Олег.

Действительно впереди из яблонь выглядывала крыша дома. Машина подкатила к забору. Беленые стены, свежеекрашенные синей краской наличники окон: за домом ухаживали. По мощеной кирпичом дорожке к калитке подошла женщина средних лет: румянец, едва тронувший ее белую кожу, добавлял ей привлекательности. Из-под темного платка вылез завиток белокурых волос. Но взгляд у женщины был потухший.

- Как на Суворово проехать? – Семен открыл дверь машины.
- Это Суворово, — ответила женщина через калитку.
- Один дом?
- Еще парочка есть.
- Значит, правильно свернули, — сказал Семен Олегу, — а прямо можно ехать? – обратился он к женщине.
- Никто не ездит.
- Почему?
- Дороги нет.
- Но на карте она отмечена.
- Не знаю. Один раз из МЧС ездили, когда детей искали.
- Детей?
- Да, сына моего и соседскую девочку, возле дома играли и пропали, наверное, в лес пошли и заблудились.
- Нашли?
- Нет, — женщина глубоко вздохнула, — весь лес исходили.
- Ну, примите, как говорится... — пробормотал Семен.
- Им по 7 лет было, — у женщины на глаза навернулись слезы:
- Каждый день плачу. Муж в Орел, говорит, возвращайся, мы здесь только летом живем, а я не могу, все на что-то надеюсь.

- Да-а-а! – протянул Семен, сказать ему было нечего.
- Что теперь? – спросил Олег.
- Едем вперед. Судя по карте: километров 10 осталось.
- Ох уж эта карта! – в сердцах сказал Олег.

Машина тронулась. Печальная женщина вышла из калитки и провожала ее взглядом. Они ехали по полю с дозором редкого кустарника, потом по опушке леса: березы казались живыми, потому что их длинные гибкие ветки раскачивал ветер, и крона была все время в движении.

- Грибов здесь наверно много, — сказал Семен.
- О грибах думаешь, выбраться бы отсюда, — буркнул Олег.

Они проехали метров триста и увидели еще одну деревню. Странно, что печальная женщина ничего не сказала о ней. Семен и Олег не верили своим глазам: необычная деревня: крыши домов из соломы. Удивительно, как они сохранились, но факт есть факт: на каждый дом была нахлобучена бурая шапка.

- Смотри-ка, — усмехнулся Олег, — затерянный мир.

- Может мы в 19 век попали без всякой машины времени? – предположил Семен.
 - Как в кино, — засмеялся Олег.
- Но тут ему стало не до смеха: под Volvo что-то хлопнуло и зашипело. Олег затормозил.
- Приехали. Вот этого я и боялся, — он вылез из машины.
 - Что делать? – Семен тоже вышел.
 - Надо посмотреть,— Олег лег на картонку под машину.
 - Я пока в деревню схожу, — сказал Семен.
 - Походу воздушному шлангу хана, — послышалось из-под машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.